

ВЛАДИМИР СКВОРЦОВ:

Я доверяю самому себе

Рубльбуря - 2005. - 7-13 апр. - с. 11

Существуют актеры, которым спокойное течение творческой жизни не по душе. Вместо того чтобы служить в одном театре и играть те роли, которые достаются, они активно занимаются поисками себя. Владимир СКВОРЦОВ – как раз из таких, неутомимых. Ведущий актер Театра “Et Cetera”, он к тому же звезда Центра драматургии и режиссуры при А.Казанцева и М.Рощина, самый известный столичный Обломов и человек, о котором говорят, что он может сыграть все. В эти дни Скворцов сыграл главную роль в спектакле “Смерть Тарелкина” (режиссер Оскар Коршуновас, Театр “Et Cetera”). А в середине сезона состоялся его режиссерский дебют: в Центре драматургии и режиссуры Скворцов поставил пьесу Лауры-Синтии Черняускайте “Скользящая Люче”, и спектакль сразу обратил на себя внимание. Актер сам начал разговор именно с этой работы.

– “Скользящая Люче” – это команда людей, пришедшая в театр не за тем, чтобы сделать карьеру. Ошибочно думать, что молодое поколение хочет одного – во что бы то ни стало прорваться. Мы ничем не отличаемся от тех, кто старше. Абсолютно. Все мы занимаемся одним делом, просто у каждого поколения существует свое видение театра. Скажем, я придумал свой мир, свою модель театра, которая основана прежде всего на собственном позитивном отношении к тому, чем я занимаюсь. Актер – это вообще профессия для альтруиста. За свой труд мы получаем не так уж много денег, к тому же во время процесса подготовки спектакля совсем не знаем, получится ли он. Для творческих людей – высшее достижение, когда любимая профессия становится приятной, как хобби. Скажем, летом я снимался в кино и прекрасно провел время. И театр для меня – это отдых. Я не могу позволить себе насиливать себя работой.

– Но муки все-таки бывают?

– Они случаются, когда переходишь на новый этап.

– А существует проблема под названием “роль, которая не получается или не нравится”? Ведь это тоже муки творчества.

– Это две большие разницы. Роль может не получиться не в силу твоей бездарности или профнепригодности, а просто в силу того, что не сошлись на небе звезды. Случается так, что собралась замечательная творческая группа, а что-то не срывается. Нельзя в нашем деле предсказать удачу. Практически никогда. Другой случай, когда имеешь дело с нелюбимой ролью. У меня есть пара таких. Единственный выход – либо это полюбить и принять, либо сразу отказаться. Естественно, подписываясь на работу, нужно пытаться просчитать все “за” и “против”. Скажем, мы не можем часто играть “Облом-офф” в силу занятости артистов в других театрах. Когда мы еще были никем и звать нас было никак, мы могли играть его по несколько раз в месяц. Сейчас идет он редко, и для нас, и для театралов это целый праздник. Радостно, что спектакль, созданный несколько лет назад, все еще жив и играется с удовольствием. Потому что рядом –



В.Скворцов

люди одной с тобой группы крови.

– К вопросу от “Облом-офф”: как-то вы сказали, что у спектакля открылось “третье дыхание”. А оно отличается, скажем, от второго?

– Конечно. Что касается лично меня, то, когда мы репетировали, у меня была задача сыграть эту роль. Когда все получилось и пошел поток положительных оценок, первый этап закончился. Я стал думать: вот я сыграл то, что хотел, а что дальше? Потом открылось “второе дыхание”. Сейчас вот – третье, основанное на моем постепенном взрослении. Конечно, любую роль в жизни надо искать через себя, это мое убеждение. Хотя про это нам, своим ученикам, говорила еще в Школе-студии МХАТа наш мастер Алла Покровская. И, репетируя собственный спектакль как режиссер, я осознавал, что только так и надо работать.

– “Скользящая Люче” сразу стала модным проектом.

– Я не понимаю этого...

– А все-таки почему так получилось? Почему такой шум вокруг?

– С одной стороны, мне это приятно, с другой – у меня нет сил и времени это осознать. После Обломова у меня был год обдумать – почему так получилось и как дальше жить? А тут я так устал после премьеры, что мне все равно. Когда мы репетировали, я знал, что спектакль не мог не получиться. Для меня это была не просто проба себя в режиссуре, а принципиальный личностный ход вперед.

После “Облом-офф” случилось несколько ролей, которые были в разной степени для меня важны – и “Лю-

сьет Гюлье”, и “Половое покрытие”, и “Свадебное путешествие”. А потом опять наступила тишина. И тут я понял, что снова необходимо все взять в свои руки. Я не перестаю удивляться и восхищаться Мишей Угаровым, который находит в себе силы и пьесы писать, и спектакли ставить, и заниматься Театром.doc, и кино снимать. Почему нельзя позволить себе творить в разных пространствах?

Актерство в театре – это полувот ответственность, а в кино – вообще безответственность. Театральная режиссура – это ответственность за все. Для меня было важно именно это: я хочу за все отвечать.

– А если бы действительно не получилось?

– Миша Угаров правильно говорит: “Ну что с меня взять, я же не режиссер!” И я тоже – лишь актер, пробующий себя в режиссуре. Мне было важно сделать. К тому же, когда ты живешь только этим, не можешь не получиться. Да и мне было на кого равняться. Я работал с прекрасными режиссерами: и со Стурва, и с Мирзоевым, Мокеевым, Морфовым, Козаком, Угаровым – огромный блестящий список. Их модели театра я мог сублимировать и сделать из этого нечто свое. Мне всегда было важно, как режиссер со мной общается и как он делает спектакль. Важно сопрягаться с личностью режиссера, важно, чтобы режиссер был другом, а не тираном.

– А вдруг вам захочется поставить еще спектакль? Опять будет ощущение “сроднения” с артистами?

– А как же иначе? Когда мы работали, я много показывал именно как режиссер, проживая все на двести процентов, а они видели и понимали, что это все реально сыграть. Я часто плачу на этом спектакле, и не потому, что я – sentimentalный человек. Просто порой мои актеры настолько точны, что это пробивает мою защиту. Причем пьеса Лауры-Синтии Черняускайте – не мелодрама, а достаточно серьезная история. И что плохого в том, что она и sentimentalная? Если вдуматься – вся наша жизнь состоит из сантиментов. А для русских зрителей это вообще очень важно – почувствовать сердечный отклик от увиденного на сцене.

– Но почему именно “Люче”? Ведь если вы хотели рассказать человеческую историю, то можно было выбрать более качественную драматургию.

– Мне-то кажется, что мы сделали гораздо меньше, чем заложено в этой пьесе. Когда ругают пьесу и хвалят спектакль – я не понимаю этого... Как из плохой литературы может получиться хороший спектакль? Это нонсенс.

На самом деле я очень много искал. Дебютировать классикой мне было совсем неинтересно. К тому же в бесконечных постановках классики мне видится эдакое “вот я наконец понял, как это должно быть”... Все уже давно поставлено! Не надо мне сыпать тракторками! Для меня была важна сама история, история про людей. Мне посоветовали “Люче”. И она меня “зацепила”. Все люди проходили через расставание. Вот и я нашел в “Люче” моменты моей собственной жизни.

– Вернемся к актерским радостям. Вы довольно много работаете с современной пьесой, но были у вас и классические роли. Существует ли здесь разница в работе над ролями?

– Есть язык поколения, который определяет. Скажем, у Оскара Коршуноваса, с которым я работал сейчас над “Смертью Тарелкина”, получается удивительно современный спектакль. Текст Сухово-Кобылина звучит так, будто его автор наш современник. А спектакли Володи Мирзоева? Тот же “Хлестаков”, ставший культовым в силу того, что Югорь зазвучал по-новому? Режиссерское поколение сегодняшних тридцатилетних имеет право на свой язык. К сожалению, сегодня есть разница: классический текст преподносят через “как”, а современный – через “что”. А уже процесс производства вытекает из истории. Отсюда выстраивается способ твоего актерского существования; многое зависит от того, насколько ты коммуникабельный человек и можешь подстроиться под разные системы координат.

– Мне кажется, что у вас очень непростые отношения с самим собой.

– У кого же они простые? У любого человека есть выбор – доверять себе или не доверять. Это самая большая проблема творческого человека в принципе. Вот сейчас я пришел к тому, что я себе доверяю.

Беседу вела
Алиса НИКОЛЬСКАЯ